



Анализируются практика проектирования и строительства в Иркутске и регионе. Обсуждается вопрос о выгодах / проигрышах изменения архитектурной среды города в зависимости от политики региональных властей и застройщиков. Рассматриваются проблемы цветовой среды города, политики сохранения архитектурного наследия, плотности застройки центра, изменения восприятия города в связи с популярностью 130 квартала. **Ключевые слова:** архитектура; город; архитектурная среда; политика; властная воля; социальная стратификация; застройка; 130-й квартал. /

The discussion is focused on the analysis of the design and construction practices in Irkutsk and the Irkutsk region. It raises the question of advantages / drawbacks of transformation of the urban environment depending on the policy of regional authorities and developers. The participants of the discussion review the problems concerning the colouristic environment of the city, protection of the architectural heritage, downtown density, as well as the change in perception of the city in light of the popularity of the 130 Quarter. **Keywords:** architecture; city; architectural environment; policy; authoritative will; social stratification; development; 130 Quarter.

Дискуссионный клуб «Кому выгодно?» /

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

15 августа в Доме архитектора состоялось обсуждение темы номера ПБ «Кому выгодно?». В обсуждении участвовали начальник управления культуры Иркутска Виталий Барышников, журналист Александр Гимельштейн, архитекторы Елена Григорьева и Алексей Чертилов, социальный психолог Константин Лидин, культуролог Марина Ткачева, политолог Сергей Шмидт.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Тема обсуждения – «Qui prodest? Кому выгодно?». Выражение ввели в обиход древнеримские юристы, а Ленин даже поставил его в название одной своей работы. Для активных участников наших очных и заочных дискуссий, в первую очередь архитекторов, мы сформулировали несколько вопросов. Для нас сегодня более актуально и интересно то, что касается архитектурной среды города в целом.

Какие явления и процессы выглядят для вас наиболее странными, нелепыми, вредными в современном городе, в частности в Иркутске, в нашем регионе? Что вызывает у вас наиболее негативную реакцию?

Как вам кажется, кому выгодны эти негативные явления и процессы? Какие группы, слои, страты наиболее заинтересованы в том, чтобы эти негативные для нас и позитивные для них явления существовали?

Какие выгоды теряет общество в целом из-за того, что отдельные группы людей преследуют свои эгоистические интересы? Какова упущенная нами выгода?

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я приведу пример, который касается цвета города. Меня сильно раздражает то, в какие цвета постепенно перекрашивается город. Цвет очень эмоционально нагружен. И, соответственно, он несет на себе значительную часть эмоционального впечатления от города. Сейчас здания красят очень светлыми, звонкими, чистыми химическими тонами. В городе никогда такого не было: кому пришло бы в голову использовать в Иркутске чистые пигменты из европейской части? Красили цветными глинами, которые можно добыть здесь, причем есть довольно широкий спектр прекрасных цветов. Но это сложные, глуховатые тона, в музыке примерный аналог – звучание классического квартета. Когда же красят «Тиккурилой», получается один тон, очень чистый, как лазерный луч. В результате дом исчезает, превращается в

плоский, как из бумаги вырезанный, силуэт. Понятно, что это надо людям, которые просто не видят, что они делают, это средненькие такие товарищи.

МАРИНА ТКАЧЕВА Им кажется, что так красиво.

КЛ Им все равно, какое впечатление это производит. Их волнует вполне понятная вещь: тиккуриловские краски выгорают в течение нескольких месяцев. В Восточной Сибири очень много солнечных дней и очень много ультрафиолета, а синтетические пигменты его не выдерживают и меняют цвет буквально на глазах. В результате здание можно перекрашивать каждые полгода. Это выгодно.

То же самое, что с благоустройством: мостовые и тротуары, которые безобразной плиткой мостят по два раза за год.

ЕГ Почему нас интересует тема «Кому выгодно»? Архитектору по роду деятельности приходится общаться с чиновником, заказчиком, подрядчиком. В каждом отдельном диалоге он приводит разные аргументы в защиту своей идеи. Доказывая чиновнику – заказчику важного участка городской среды, архитектор говорит о том, что рациональнее в репрезентативном общественном пространстве использовать гранит, а не прессованную плитку. Это будет надолго, и, когда вы поведете по этой лестнице важного гостя, например президента Татарстана, вам не зададут вопрос: «Что же у вас здесь гранит, а здесь прессованная плитка?» В разговоре с подрядчиком архитектор использует другие аргументы, для подрядчика важна стоимость материала... Вопрос «кому выгодно?» в работе архитектора присутствует постоянно. Бывает, конечно, что обстоятельства складываются таким счастливым образом, что судьба проекта зависит исключительно от людей, у которых есть цель оставить в этом городе качественный след и добрую память, их не надо убеждать в пользу гранита.

Застройщику участка вне зависимости от того, в новом ли это происходит районе или на драгоценной территории исторического центра города, нужны квадратные метры, максимальное количество. И в камне, а не в дереве. Ему нет дела до идентичности, и он знает каким способом вывести памятник из реестра. И здесь архитектору остается уповать на регламенты и законы.



Discussion Club “Cui Prodest?”

МТ Надо сказать, что архитекторы тоже не одинодушны, и это мы знаем по иркутскому сообществу архитекторов. По твоим словам, получается, что архитектор – это последний человек, который стоит на страже общественных, общегородских интересов. На самом же деле это не совсем так, а часто совсем не так.

АЛЕКСЕЙ ЧЕРТИЛОВ Получается, если что-то делается, то кому-то это выгодно. Если ничего не делается, то это тоже кому-то выгодно.

СЕРГЕЙ ШМИДТ Например, когда что-то делается из глупости?

МТ Тогда надо задавать вопрос, почему так много глупости сегодня происходит?

КЛ Если присмотреться, то, что кажется глупостью, на самом деле – совсем другое. Но умных людей гораздо больше, чем нам кажется. Я, работая с нашими бизнесменами, должен с сожалением заметить, что их уровень очень низкий. Как только какой-то организатор начинает приподниматься, он норовит съехать куда-нибудь. В результате средний уровень оставшихся безобразно низкий: менеджер, управленец, бизнесмен не видят вариантов. Он видит, как получить выгоду от прессованной плитки, и не видит ничего другого.

АЛЕКСАНДР ГИМЕЛЬШТЕЙН Вот Верхнюю набережную достроили. Вроде и дома ничего, и какое-то пространство любопытное получилось, и бульвар. Но цвета меня раздражают безумно. Они не иркутские, это не похоже на Иркутск. И ладно, если бы это сводилось к корысти: быстро выцвело и быстро перекрасили. На самом деле ничего не перекрашивают, в том числе и потому, что, естественно, на это денег потом нет. Это не «закладка» под заработка, а просто нежелание анализировать. Думаю, что это зависит и от грамотной логистики производителей, грамотной скидочной схемы мировых концернов. А попробуйте найти в Иркутске качественную местную краску в промышленных объемах. Подозреваю, что такое производство надо создавать заново. Непонятно даже, умерло ли оно или нет; просто пущено на самотек.

ВИТАЛИЙ БАРЫШНИКОВ Даже этот самотек, мне кажется, тоже кому-то выгоден.

АГ Выгоден с точки зрения комфорта: есть налаженные связи, логика, налаженные кредиты, что тоже немаловажно. У нас же все строительство закредитовано до умопомрачения. Я знаю всего два случая, когда была попытка хотя бы озвучить другое предложение. Архитекторам наверняка известна история с «Мариоттом», попытка сделать стеклянную вставку темно-красного цвета. Авторам тут же сказали: «Зачем? У нас тут Байкал, у нас тут ассоциации с водой». В итоге возникает масса похожих фасадов. Может, красная стеклянная гигантская стела была бы интереснее? А второй пример – это моя попытка на оргкомитете к 350-летию города, во время презентации строящейся библиотеки Молчанова-Сибирского, предложить: «А что у нас опять все одинаковое, все светло-серое? Давайте покрасим библиотеку в виде книги, что-то остроумное сделаем, интересное». Тогдашний мэр Виктор Кондрашов сказал: «Нет, нельзя, мы проект еле согласовали, сроки сорвем». Почему кажется, что если мы примем решение поменять цвета, это сорвет все сроки строительства?

АЧ Все-таки в советское время было четкое направление партии, что строить, существовала схема, как это сделать организационно, потоки финансовые. Была организационная пирамида, единоначальное управление. Профессионалы, как ни крути, были во всех сферах. Сейчас нет ни пирамиды, ни прослойки профессионалов на всех уровнях...

АГ Очень важный момент, которому надо оппонировать. Эта вертикаль была связана с госплановской системой и с фондированием; кто фонды спускал – тот и решение диктовал. Ничего хорошего в этой модели нет. На мой взгляд, хорошая модель – это когда «расцветает миллион цветов», а системно-экспертное и гражданское общество говорит, что подходит для городской среды, а что нет. Конечно, в госплановской системе были профессионалы, просто им больше негде было быть. А чего настроили? Я понимаю, что в хрущевские времена нужно было дешевое жилье, чтобы людей из бараков переселить. Но с точки зрения визуальной, которая не удорожала бы эти проекты никак, можно было что-то сделать. Об этом никтоне думал.



ВВ Сейчас мы имеем ту же массовую застройку. Она не под копирку ведется, но серость та же самая, еще хуже.

АГ Но если сейчас туда государство пустить, будет только хуже. Везде, где государство перехватило контрольную функцию, становится хуже.

КЛ У нас государство в настоящий момент – это чиновники. Их выгода в том, чтобы все было единообразно. Потому, что в этом случае гораздо проще документы оформлять. Они о себе заботятся, их тоже можно понять.

СШ Мне кажется, что, когда речь идет об иркутской ситуации, имеет смысл обратиться к общепринятой концепции некоего сговора иркутских застройщиков, не допускающих на иркутский рынок чужих. Уже лет 10 об этом говорят как об одной из причин особых цен на квадратный метр именно в Иркутске. На это стали обращать внимание и простые граждане: в Новосибирске и Красноярске строят компании из разных городов, а в Иркутске – только свои, местные. Тема выгод в результате сговора олигополии всегда возникает в общественной дискуссии. Поговаривают, что в этом есть определенная иркутская специфика. Иногда это становится причиной политических проблем для некоторых губернаторов...

ЕГ Есть примеры, когда тендеры выигрывают не иркутские фирмы и заваливают весь процесс: библиотека Молчанова-Сибирского, Ледовый дворец...

И в проектном бизнесе тоже тендеры часто выигрывают какие-то посреднические фирмы из Москвы, из Ангарска и т. д., выдают некачественный продукт из-за того, что большая часть денег идет не на проектирование. Мне-то кажется, что при всех недостатках чиновничества и системы наша задача – вести диалог, понимая, что может быть им выгодно и что приведет к хорошей цели для них же. Вот свежий пример: в 130-м квартале возникла угроза превращения в шанхайские кварталы, когда территорию усадеб начали сплошь покрывать якобы временными сооружениями. Нам удалось донести опасность этого процесса до мэра, до председателя комитета. И сейчас заканчивается работа над ПЗЗ (правила землепользования застройки), которые строго прописывают плотность застройки и другие параметры, указывают буквально 4–5 мест, где могут быть временные сооружения, формули-

руют, что это такое. Аргументы, которые приводились высшему чиновничеству, заключались в том, что брендовое место, если оно приобретет качества Шанхайки, перестанет приносить тот миллиард доходов в бюджет, который приносит. Им это интересно. Мы выносим тему уплотнительной застройки 130-го квартала в публичную плоскость. Мы тянем за разные ниточки, апеллируем к разной выгоде. В том числе к будущей. Хотя большинство собственников участков по-прежнему интересуется только размер прибыли сегодня.

СШ Свободного пространства в 130-м стало меньше, а могло стать еще меньше, я правильно понял?

ЕГ Именно. 130-й стал сверхдоходным, сначала его раскрутили искусственно, а потом он стал на самом деле любимым местом горожан, даже с набережной поток людей частично перешел сюда. Место стало настолько доходным, что собственники, чтобы увеличить свои площади, начали покрывать пространство между домами сплошной застройкой – якобы временными верандами. Виталий Владимирович Барышников в статье про 130-й квартал в журнале «Проект Россия» использовал ключевое для понимания этих процессов слово – алчность.

Но в сентябре принимаются новое ПЗЗ, и мы, вводя правила землепользования и застройки, возвращаем ситуацию на уровень, приближенный к первоначальному замыслу. Теперь, если собственники и будут ставить, то именно разборные сезонные сооружения в тех местах, где это можно. Иначе зачем воссоздавались памятники и средняя деревянная застройка, если они загораживаются стихийными самостроениями?

МТ А озеленение?

ЕГ В ПЗЗ отрегулировано и это тоже, причем не только минимальный процент озеленения, но и количество крупномеров. Указано место их расположения с учетом сетей.

ВВ Я бы тоже сказал, что иркутские строители воспринимают город как строительную площадку, и идеальный город для них – это чистая строительная площадка...

СШ Все равно вы заплатите за эти квадратные метры, куда вы денетесь? Таково отношение к горожанам.



ВБ Это первый тезис. Второй тезис связан с рекламой и визуалкой. Огромное количество стендов 3 x 6 – на заборах, на домах, на крышах... Меня поражает количество рекламных конструкций, закрывающих вообще восприятие города. Практически половина из них – чистая самоволка, когда никто никого не спрашивал или согласовал когда-то по принципу «разсогласовал – и живу», хотя все сроки прошли. Кому это выгодно? Рекламному бизнесу? Чиновникам?

Третья тема – озеленение. Иркутск всегда был городом садов, городом, где всегда была зелень. Сейчас у нас строят так, что в принципе отсутствует даже место для зеленых насаждений. А это точно не приносит прямого дохода, понимаемого примитивно.

Четвертое – это тема культурно-значимых организаций: Иркутск в свое время много сделал для того, чтобы у нас не появилось ни академии наук, ни аэропорта.

МТ Ни оперного театра.

ВБ Набор уже классический. Странно говорить, что это было невыгодно жителям. Какие другие интересы? Нежелание делиться властью? Необходимость выстраивать сложные коммуникации с тогдашними федералами? Вот четыре тезиса: стройка, реклама, общественное зеленое пространство и историческая тема. И кому сейчас выгодно не завозить в Иркутск крупные проекты, федеральные, частные корпорации?

АЧ Сдерживающий, сильный фактор – это ненормальная должность мэра. Раньше был человек, который отвечал за город, и ему не надо было обкрадывать бюджет, он еще и свои деньги вкладывал. Сукачев тот же самый.

АГ А обвинение его в коррупции со стороны Городской думы? Никогда у нас не было благодати никакой.

АЧ Сейчас нет человека, который действительно работает над городом, заботится о городе. Это очень сложно делать, раньше проще было: другое законодательство, правила. Сегодня нет большого единоначалия и в ближайшие десятилетия, наверное, не будет. Хозяйствование все больше дробится между структурами, нет единого целого. Тот же генеральный план, инструмент вроде бы правильный и хороший, но не работает. У нас до сих

пор не решен вопрос в комплексе, где какие электрические, водопроводные, канализационные сети лежат; нет единой карты. Каждое ведомство знает только то, что эксплуатирует.

ЕГ Говорят, в 130-м квартале есть сети, которые не принадлежат никому, все от них открешиваются. Как это может быть, непонятно.

АЧ И если даже появится такой мэр, чтобы все собрать в одно управление и управлять процессом, можно жизнь положить, за 20 лет не справиться.

АГ Нынешний мэр руководит два года. До этого во главе города 15 лет был профессиональный строитель, а до этого 10 лет профессиональный коммунальщик. Так что проблема напрашивается более широкая. Полномостия-то у них куда больше, чем в советский период было. Эти люди вообще никому не подчинены. В чем загвоздка-то?

АЧ У нас сейчас несовершенное управление в принципе.

КЛ Оно по-своему очень совершенно. Это не ошибки, это действительно система, рассчитанная на обслуживание серого бизнеса. Был период, когда мы работали с Казаковой, разрабатывали рекламную концепцию для ресторана ее мужа. Но никакой рекламы этого ресторана нет. Сам ресторан отодвинут от улицы и скрыт плотной зеленью, поэтому надо точно знать, где он находится.

А зачем так? У серого бизнеса свои принципы, ему категорически противопоказана прозрачность. Человеческие потоки, спонтанные покупатели ему противопоказаны, потому что лучше один, но свой, чем 10, но неизвестно кто. Если я там торгую, и у меня половина контрафакта, а вторая вообще неизвестно откуда взялась, зачем мне случайные прохожие? А вдруг среди них затешется представитель силовых структур, и от него опять придется откупаться? В Иркутске все так и было, на старых фотографиях видно: плотная, совершенно непроницаемая застройка, лабиринт, в котором вход найти может только свой человек. А человек, который не знает, застрянет на втором шаге. Это очень удобно. В Иркутске есть вполне понятные силы (часть из них даже не особенно маскируется), которые пытаются Иркутск превратить в такую нахаловку, организовать во всем городе такую

среду. Непроницаемую, непрозрачную, внутри которой очень удобно заниматься такими сомнительными...

СШ Это такое антитуристическое сознание. Город, открытый туристам, должен быть по-другому организован.

КЛ Поэтому туристу-то в Иркутске делать, собственно говоря, нечего. Турист сквозь Иркутск пролетает, как нейтринно, и серый бизнес это очень устраивает. Потому что с туриста трудно взять что-то незаконно, это рискованно.

СШ Туристу можно только открыться.

КЛ Да, с туристом нужны прозрачные отношения. Когда прозрачно, это не их стиль. Поэтому их устраивает такая: «Пролетайте, ребята, мы тут сейчас памятники закроем рекламными щитами, чтобы посмотреть не на что было, а вы езжайте себе на Байкал, нам вас не надо». Мне кажется, что это такая довольно мощная социальная сила, богатая, сильная, и, главное, что у нее есть четкий образ города, которого она хочет. Это клановая структура. У них способы получения прибыли полузаконные или совсем незаконные.

АГ Во всяком случае то, что в представительных органах власти куча людей из строительного лобби, безусловно.

МТ Если бы даже его там не было, вспомните сказку про дракона. Богатырь шел-шел, убил дракона, а когда он увидел кучу золота, сам стал драконом.

АГ Как ни парадоксально, для гражданского общества, может, было бы лучше, если бы пробовали покупать готовых, чем ставить своих. Готовые – уже состоявшиеся люди на рынке услуг, они могут кому-то и другому продаваться. А представитель клана никому не продается.

МТ У него выбора нет.

КЛ Мне кажется, что это и есть система, одно с другим складывается. И куда ведет, понятно. Если этих людей перестать сдерживать, они превратят Иркутск в сплошную «шанхайку», внутри которой очень удобно увилывать, там вообще концов не найдешь. Непонятно, где чьи сети, это же классно, можно к ним подключаться безнаказанно.

ВБ Но Иркутск – это уникальный случай?

КЛ Нет, в мире есть аналоги. Экономист Эрнандо де Сото всю жизнь исследует серый сектор. В Бразилии очень большой сектор серый, фавеллы бразильские как раз его порождения.

ВБ А в России?

КЛ Считается, что серый сектор России – это один из факторов, который позволяет противостоять санкциям. По данным де Сото, до 80 % экономики России – это серый сектор. Но парадоксальность ситуации заключается в том, что нельзя однозначно охарактеризовать его как абсолютное зло. У него есть свои плюсы.

ВБ Понятно, что выгодно тем, кто это организует. Но горожанам-то это выгодно?

КЛ Беда-то в том, что если им позволить, они действительно превратят весь город в «шанхайку», и после этого город умрет, потому, что у города должна быть белая часть.

ЕГ Есть люди, которые живут здесь и хотят жить в цивилизованной, комфортной среде. А есть люди, которые в городе только зарабатывают деньги, а сами живут в другом месте или большую часть жизни живут в другом месте. Или стремятся заработать деньги и перебраться в другое место. И им-то будущее Иркутска безразлично. В том же 130-м уже довольно много собственников, которые живут в Москве, а здесь у них просто арендаторы. Им все равно, какая среда в Иркутске, им важно, чтобы отсюда шел постоянный, а лучше постоянно увеличивающийся поток денег.

КЛ Если город умрет, этим людям тоже будет все равно.

ЕГ Совершенно верно. Заработают деньги и откочуют туда, где среда более-менее приемлема.

МТ Больше всего это похоже на саранчу: съедят и улетят.

СШ Ключевский писал, что Россия – это страна, которая сама себя колонизирует; по этой логике Иркутск – это город, который сам себя колонизирует.

ВБ Они уезжают-то тоже в не самые благополучные страны. Я знаю знакомых, которые имеют здесь бизнес и совершенно спокойно живут и работают в Европе, но не в первых странах. А там им тоже комфортен серый сектор? Или просто здесь не вытащили сколько надо?

КЛ Пока мы их воспринимаем как представителей абсолютного зла, демонов, которые все разрушают, сжирают, – шансов нет, мы никогда с ними не договоримся. Это все-таки люди, они в чем-то ограничены, но с ними можно разговаривать.

ЕГ С этим никто не спорит, мы же с ними работаем. Они разные, действительно.

КЛ Они очень разные. Если бы все норвали бы однодневками, все бы и уехали.

СШ Я бы предположил, что вообще в природе человека жить в той среде, которую он хорошо знает и понимает. И в этом смысле малая родина для бизнеса мощный ресурс, потому что она известна и понятна тем, кто этим занимается.

МТ Поэтому они здесь бизнес оставляют, а сами уезжают.

КЛ Но одноцветным город не может быть, он не может быть весь серым. Если белая часть, проникаемая прямо в структуре города (большие длинные каналы, по которым люди и информация могут двигаться), схлопнется, то город посереет, но сразу следом он начнет чернеть, становиться криминальным городом. Такие периоды в истории Иркутска были, а в конце XIX века вышло несколько интересных американских публикаций, где Иркутск рассматривался как образец криминального поселения. В котором вообще никакие законы не работали. Это может и вернуться.

СШ Я позволю себе задать один вопрос, который задавал разным людям. Иркутск – это единственный город, который я знаю, где прямо в центре города есть пустыри, огороженные заборами, на которых вообще ничего не происходит. Почему?

ЕГ В других городах тоже есть, даже в Москве. Я это объясняю тем, что земля в собственности, а у собственника другие дела в других регионах. Меня в связи с этим интересует судьба гостиницы «Сибирь».

АЧ Юридически все начинается с процедуры включения / не включения в Государственный реестр объектов культурного наследия. Новый, московский хозяин нашел «нужного» эксперта, который написал, что здание ценности не представляет. На это мы написали четыре протеста; эти заключения не сработали. В наших документах было доказательно показано, что экспертиза была липовая. «Сибирь» перестала быть памятником. Был издан второй приказ – исключить из списка выявленных объектов культурного наследия на основании того, что здание стало, по чьей-то прихоти, не ценным объектом города.

ЕГ И то, что это Казимир Миталь...

АЧ ...Не было принято во внимание. Это уникальное для России здание в стиле конструктивизма, ничего подобного ни в одном городе нет. У нас в Иркутске конструктивизма очень мало. По-моему, подобных объектов



зафиксировано 13. Московскому собственнику выгодно и на месте «Сибири» возвести многоэтажное здание.

ЕГ Не очень понятна и судьба ЦЭС (Центральной электростанции) на берегу Ангары. Она в реестре объектов культурного наследия?

АЧ Нет. Там только часть из комплекса представляла какую-то архитектурную ценность, потому что это был первоначальный объем от ЦЭС. Объект госохраны. И решение об его исключении мог принять только председатель Правительства РФ. 10 июля этого года председатель Правительства Д. Медведев подписал распоряжение об исключении объекта из Госреестра памятников Российской Федерации. Это первый прецедент в Иркутской области и, наверное, входит в первую пятерку прецедентов по всей стране. Зоны охраны тоже уже изменены.

ЕГ Да, теперь руки развязаны...

АЧ Я не знаю, выгодно ли это только заказчику работы по обоснованию не ценности объекта (а заказчиком выступало Иркутскэнерго) или это выгодно в том числе и городу, и региону.

ЕГ Это выгодно, конечно, владельцу участка. Городу это выгодно косвенно: город не получит концертный зал, если заказчик не получит большого выхода площадей на участке.

АЧ Я не очень верю собственнику. Если освоение этого участка начнется со строительства общественно-делового центра, то никакого концертного зала не будет в принципе: потом окажется, что появились аргументы, отсутствие средств инвестора, смена власти в стране, в регионе. И все договоренности обнулятся. И останется то, что изначально и хотели эти люди – общественно-деловой центр с отсутствующим концертным залом. Примеры имеются. Рычагов управления не так уж много. Это сложный процесс.

СШ У нас все делится на два варианта. Кто-то верит в гражданское общество, кто-то верит в политическую волю. Третьего не дано. Я не буду скрывать, что я уповаю на то, что политическая воля, соединенная с художественным вкусом...

АЧ Проблема в том, что политическая воля тоже организуется странными методами.

ЕГ Если бы только правовыми, без включения административного ресурса и политической воли, 130-го квартала не было бы вообще.

СШ Моя коллега говорит, что сын ее, работающий в управляющей компании, жалуется, что приезжает мэр, требует, орет. А потом приезжает и проверяет. Я думаю: «Это то самое, что нужно». Чтобы приезжал, орал. А потом приезжал и проверял.

АЧ Ну, возможна и другая схема: убеждение, переговоры...

СШ Изменение городской оптики все равно произошло благодаря 130-му кварталу. Будем откровенны, было множество людей, действительно считавших, что Тальцов достаточно, чтобы показать дерево гостям города. Я знаю множество людей, которые благодаря 130-му кварталу смотрят на город по-другому. Какая-то мировоззренческая революция произошла.

КЛ В Иркутских кварталах сейчас идет эта революция: сражение между сторонниками сплошной серой схемы и сторонниками некоего многоцветия, хотя бы в обрамлении черно-белого. Там, конечно, если дать волю серой схеме, никакой революции не будет: снова сделают лабиринт, где можно прятаться; восстановится Шанхайка на новом генетическом уровне.

ВБ Кварталы с Шанхайкой убрали, а люди-то остались.

МТ Их придушили, а они сейчас голову снова поднимают.

СШ Такое ощущение, что город ждет второго большого проекта. Второе пришествие 130-го квартала витает в воздухе. Поскольку пообещали Иркутские кварталы.

ЕГ Масштабы больше на порядок. Площадь Иркутских кварталов – 72 гектара по сравнению с 6 гектарами 130-го. Коренное отличие в том, что в 130-м собственников было изначально раз-два и обчелся, а тут практически все участки в собственности. И политика должна быть другой. Но переосмысление этой территории выгодно городу и горожанам. Это центр города, и он не должен быть ни черным, ни серым.